

Последний съемочный...

Мы зашли к ним в гостиничный номер, ожидая увидеть веселых, разговорчивых людей: знали, что дело свое они сделали, пройден определенный этап — и, как говорится, гора с плеч. Человек шесть или семь сидели в тесной комнатке кто на чем придется. Владимир Яковлевич Лакшин примостился на яшике с аппаратурой. Все молчали, и никто не выказал ни оживления, ни интереса. Юрий Васильевич Яковлев вежливо отреагировал на предложение подписать театральную программку вахтанговского спектакля двадцатилетней давности. И только глаза его через стекла очков теплы и помняще взглядывали на портреты Р. Симонова, М. Астангова, с которыми он играл в 1962 году, а теперь их нет... Все потянулись тоже посмотреть, заулыбались при виде того Яковлева, неотразимо молодого и ослепительного. Потом вернулись на свои места и опять отрешенно замолчали.

Согласен, что мы застали лишь минутную расслабленность, стали свидетелями усталости, которая подчас подминает и самых деятельных, жизнерадостных людей, какими они и были, отъезжая на север. Сладка эта минута, когда только что закончено большое дело, а о следующем не думается, потому что оно придет своим чередом и само напомнит о себе.

Группа Центрального телевидения (всего 14 человек) только что отсняла последний сахалинский кадр пятисерийного фильма «Путешествие к Чехову»*. Съемочная неделя была насыщена до предела. Частые разведки, поиски наиболее интересных, «выигрышных» и, в то же время соответствующих замыслу мест, режиссерские съемки «от и до», напряжение графика — все это тяжело физически. А еще ни на секунду не отпускающий упругий ритм чеховской мысли, вживание в тревожный мир чеховских образов, стремление найти экранный эквивалент великой жизни и держаться его крепко, чтобы не исчезал и все время нащупывался пульс тех летних дней 1890 года, которые сами авторы

* «Советский Сахалин» за 16 сентября 1982 г. «Чеховский сериал».

фильма определяют как вершинные в творческой и человеческой судьбе Антона Павловича. Такое требовало от коллектива и, прежде всего от Лакшина и Яковлева, полной духовной отдачи, самого сердечного отклика на все то, что мучило писателя, огромных затрат нервной энергии, которая передалась бы, опалила и зрителей. Нельзя не иметь в виду и ту гражданскую ответственность, с которой художник пытается понять и выразить свое понимание художника другой эпохи. И если знать, что только такой подход к делу возможен для писателя и исследователя Лакшина, народного артиста Яковлева, режиссера Ольги Васильевны Козновой, то понятной и оправданной станет та минутная опустошенность.

А вечером Владимир Яковлевич Лакшин встречал нас как ни в чем не бывало, говорил в своей привычной, чуть ироничной, манере, строго следя за ходом

мысли, которая всегда у него была и логичной, и образной. Мне не раз приходилось заслушиваться беседами Лакшина на семинарах, которые он вел, и каждый раз это было открытие, узнавание, казалось бы, известного. Он словно одалживал слушателям свой личный взгляд на тех или иных писателей, литературное или театральное явление, и каждый раз это было свежо, неожиданно и поднято с очень большой глубины. Вот и сейчас предстояло услышать о вещах, уже знакомых, но в «прочтении» Лакшина.

О том, чем заканчиваются съемки, мы нечаянно узнали. Расскажите, Владимир Яковлевич, о том, где они проходили.

— Не одну сотню километров мы проехали по местам, связанным с Чеховым, снимали старые дома, памятные уголки, природу, которая вряд ли отличается от той, что была и сто лет назад. Четыре дня пробыли в Александровске.

По музею А. П. Чехова

их водила Анна Емельяновна Иванова. Лакшин подметил в ее комментариях к прошлому Сахалина нечто необычное, будто человек запросто говорит о личных, семейных вещах. Рассказ Анны Емельяновны был оживлен иллюстрацией к чеховскому рассказу «Бабы» и к тем горчайшим страницам «Острова Сахалин», которые посвящены женщинам каторги. Оказалось, что Иванова (урожденная Золотова) многое знает — в деталях! — со слов своей бабушки, которая дожила до 60-х годов. Сама бабушка пришла на Сахалин в 1892 году, а дедушка — в 1885 и мог бы встретиться с Антоном Павловичем.

— Об этом можно было только мечтать! Я предложил Анне Емельяновне перенести наш разговор в село Михайловка, в избу, где она родилась, где отшумела жизнь не одного поколения Золотовых. Поставили в комнате свет, камеру, и мы всласть поговорили... Приезжали мы и в Воеводскую Падь, поразительно красивую долину. Ничто не напоминало о месте ужасных издевательств над человеком, а ведь при Чехове здесь была тюрьма, «самая неприглядная и суровая из всех сахалинских тюрем». Снимали в Дуэ, у разрушенного причала. Яковлев читал здесь фрагмент рассказа «Убийство», одна из глав которого так и начинается: «На Дуэском рейде на Сахалине поздно вечером остановился иностранный пароход и потребовал угля». Природа в этом ущелье довольно мрачноватая, и это не смогло не отразиться на исполнении артиста, на нашем эмоциональном восприятии тех далеких времен. По настроению мы здесь, наверное, ближе всего подошли к чеховскому. Порассуждал в надежде на эту тему и я.

Наша камера смотрела на Александровск со стороны моря, запечатлев берег таким, каким его увидел приплывший сюда Чехов.

Съемочную группу исключительно радужно принимали в Александровске. И, отвечая на гостеприимство, В. Я. Лакшин и Ю. В. Яковлев в один из вечеров выступили с концертом в Доме культуры.

— Нам не хватило еще двух дней, чтобы таким доступным нам образом, — признается Владимир Яковлевич, — отблагодарить за теплоту жителей Тымовского и Южно-Сахалинска.

Группа проехала чеховским маршрутом по дороге Тымовское — Кировское — Палево. Недалеко от Пале-

во лежит камень, у которого, по преданию, останавливался отдохнуть Антон Павлович. Остановились и москвичи, чтобы отснять эпизод. Правда, их ждало досадное огорчение. Камень густо исписан тушью, краской, «сувековечившими» имена, фамилии и даты «пребывания» многих, отнюдь не исторических личностей...

— И все-таки оператор Владимир Михайлович Качулин умудрился снять нас с Яковлевым возле камня. Мы постояли возле него, загоранивая по возможности современные письмена, поговорили о Чехове, его сахалинских встречах. Качулина так вдохновила природа тымовских лесов, что и пленку он перерасходовал, и на поезд мы едва не опоздали.

В Корсакове снимали на месте бывшей каторжной тюрьмы, там сейчас растут рябины с чудесными гроздьями ягод. Лакшин с Яковлевым подождали вечера, зажгли на берегу залива костер, присели на бревнышки и вспомнили рассказ «В ссылке», где вот так же у огня грелся человек по прозвищу Толковый.

Фильм закачивается, как костер в ночи гаснет... Уезжает с Сахалина Чехов, и что здесь остается на долгие-долгие времена? А свет на остров каторжной поры прольется уже из чеховских книг... Лакшин так не говорил, он и не мог так говорить, потому что не известно, каким будет последний кадр и какой будет его тональность. Но, кроме света чеховских книг, фильм обязательно вберет в себя свет сегодняшних дней Сахалина. Ведь съемки велись на площадях и улицах наших городов, и камера видела то, что мы видим с вами, и чаще всего детей, таких счастливых и так непохожих на детей, увиденных здесь Антоном Павловичем.

— Вот и все, — говорит Владимир Яковлевич. — Впрочем, не все. В Москве, в Ленинской библиотеке, я вновь просмотрю переписные карточки, заполненные Чеховым на острове. Это тоже войдет в фильм. 4 октября мы приезжаем в Мелехово и доснимем здесь еще один сахалинский сюжет. Яковлев будет читать «Палату № 6». Вот тогда будет все.

Евг. БАВКИН.

НА СНИМКЕ: В. Я. ЛАКШИН и Ю. В. ЯКОВЛЕВ в последний съемочный день в Южно-Сахалинске.

Фото Б. Кречетова.

№ 2 ОКТ 1982

Советский Сахалин
г. Южно-Сахалинск